

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / THEORETICAL STUDIES

Научная статья / Research Article
<https://doi.org/10.11621/LPJ-24-01>
УДК/UDC 159.97

Возможности культурно-исторического подхода к гендерной проблематике

А.Ш. Тхостов, С.К. Кумченко ✉

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ kumchenko.s.k@gmail.com

Резюме

Актуальность. В научном дискурсе с каждым годом увеличивается популярность гендерных исследований, в то время как обсуждение гендерной проблематики в социальном пространстве остается неоднозначным.

Цель. Применить основные положения культурно-исторического подхода к гендерной проблематике.

Методы. Абстрагирование, анализ и синтез литературных данных, сравнение теоретических моделей, обобщение.

Результаты. Разделяются пол как врожденная «натуральная» категория и гендер — как культурологическая. Ряд примеров демонстрирует нетождественность пола и гендера, а также варианты их сочетания и взаимодействия. Предлагается растождествлять гендер и гендерную идентичность как психологическую категорию. Последняя понимается в качестве аналога высшей психической функции, которая формируется прижизненно в конкретных социальных условиях, опосредуется гендерными знаками (внешность, манеры, нормативы, предпочтения, ценности, табу и т.д.) и ведет к возможности саморегуляции. Между тем подчеркиваются ограничения в овладении своим поведением, поскольку происхождение гендерной идентичности связано с биологическими параметрами пола, противоречивостью гендерных нормативов и их широкой областью воздействия. Здесь открывается поле культурной патологии в сфере гендерной принадлежности и межполового взаимодействия.

Выводы. Культурно-исторический подход видится эвристическим в многофакторном понимании гендерной проблематики, включающей в себя биологический, культуральный, психологический и онтогенетический аспекты.

Ключевые слова: культурно-исторический подход, интериоризация, пол, гендер, гендерная идентичность, психосексуальный онтогенез, культурная патология

Для цитирования: Тхостов, А. Ш., Кумченко, С. К. (2024). Возможности культурно-исторического подхода к гендерной проблематике. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, 47(1), 11–30. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-01>

Possibilities of the Cultural-Historical Approach to Gender Issues

Alexander Sh. Tkhostov, Sergey K. Kumchenko ✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ kumchenko.s.k@gmail.com

Abstract

Background. The relevance of gender issues is associated with discussions outside the scientific field, while in the science itself, the popularity of gender studies is increasing every year.

Objectives. The present article aims at the application of the conceptual mechanism of the cultural-historical approach to gender issues.

Methods. Abstraction, analysis and synthesis of literary data, comparison of theoretical models, and generalization were used.

Results. Sex as a biological entity is divided into an innate “natural” category and a gender as a culturological one. A number of examples demonstrate the non-identity of sex and gender as well as variants of their combination and interaction. It is proposed to disidentify gender and gender identity as a psychological category. The latter is understood as an analogue of the higher mental function which forms intravitally under specific social conditions, it is mediated by gender signs (appearance, manners, norms, preferences, values, taboos, etc.) and is possible to self-regulate. In the meantime, the limitations in mastering one’s own behaviour are emphasized, since the origin of the gender identity is connected to the biological parameters of sex, inconsistency of gender norms and their wide field of influence. Here the field of cultural pathology in the sphere of gender identity and intersex interaction reveals itself.

Conclusions. The cultural-historical approach is seen to be heuristic in the multifactorial understanding of gender issues which include biological, cultural, psychological, and ontogenetic aspects.

Keywords: cultural-historical approach, interiorization, sex, gender, gender identity, psychosexual ontogenesis, cultural pathology

For citation: Tkhostov, A. Sh., Kumchenko, S. K. (2024). Possibilities of the Cultural-Historical Approach to Gender Issues. *Lomonosov Psychology Journal*, 47(1), 11–30. <https://doi.org/10.11621/LPJ-24-01>

Введение

На сегодняшний день гендерная проблематика является областью избыточно повышенного интереса, выходящего далеко за рамки научной дискуссии. Согласно платформе «PubMed», с 2002 г. наблюдается четырехкратный рост числа публикаций по теме «gender», и к 2022 г. насчитывается 92 154 публикации только на этой платформе. По данным Национального центра статистики образования США 2015 г., с 1990-х гг. количество научных степеней в области гендерных исследований (gender studies) увеличилось на 300%, а в 2015 г. было присвоено более 2000 научных степеней. В постсоветских странах также наблюдается интенсивный рост числа публикаций по гендерным исследованиям, особенно с 2017 г. (Kataeva et al., 2023). Именно в 2017 г. в Москве состоялся первый феминистский фестиваль «Moscow FemFest», ориентированный на популяризацию гендерных исследований, однако он был встречен неоднозначно как радикально настроенными феминистками, так и консервативным населением. В свете новых научных доказательств в 2022 г. ВОЗ заявляет о существовании большего количества полов, чем два, что было растиражировано СМИ и привело к неоднозначной общественной реакции, затронувшей политические структуры. Спокойная научная дискуссия по гендерной тематике становится невозможной, что подчеркивает ее проблемный характер и острую актуальность.

Целью данной работы является попытка применить основные идеи культурно-исторического подхода к гендерной проблематике. Для этого будет произведен обзор основных факторов гендерной проблематики, среди которых представляется важным для культурно-исторической парадигмы определить «натуральное» и «культурное»: натуральный аспект будет связан с биологической детерминацией и врожденностью, а культурный — с историко-социальной условностью и вариативностью.

Врожденным параметром человека является *пол* (англ. *sex*) — совокупность контрастирующих генеративных признаков особей одного вида (Петровский, Ярошевский, 1999). Пол включает в себя компоненты (Бухановский, 2016): генетический, гонадный, гаметный, гормональный, церебральный, генитальный и т.д. Развитие пола в эмбриогенезе называется «половая дифференцировка» (Агарков, Кащенко, 2015). Рождение младенца сопровождается приписыванием ему акушерского пола, или аскриптивного пола (*sex assigned at birth*), и с этого момента к биологическим механизмам полового развития присоединяются культурные, хотя сообщают и о более раннем начале их присоединения (Мастерс и др., 1998). Таким образом, «натуральным» аспектом гендерной проблематики выступает пол как многокомпонентная категория, подчиняющаяся биологическим механизмам развития.

Впервые термин «гендер» (*gender*) в 1955 г. использует американский психолог Джон Мани в исследовательской работе с интерсекс-персонами (Money, Hampson, 1955). В 1968 г. психоаналитик Роберт Столлер, исследуя транссексуалов, предлагает разожествить «пол» как биологическую категорию и «гендер» как культурологическую и психологическую категорию (Stoller, 1968; 1972). Дальнейшее развитие термина связано с деятельностью феминисток и впитывает альтернативные значения, в том числе политического характера (Пушкарева, 2005). Возможно, неоднозначная общественная реакция на термин «гендер» связана с тем, что долгое время его использовали и продолжают использовать преимущественно в социально-политических дискуссиях.

Можно сказать, что *гендер* — это социокультурный аспект половой принадлежности человека (Грицанов, 1998). В отечественном научном вокабуляре можно найти похожее понятие — «половая роль» — модель социального поведения, стереотипов, требований, адресуемых обществом людям мужского и женского пола (Мещеряков, Зинченко, 2009). В личной беседе независимая исследовательница гендерной проблематики И.В. Карагаполова определила гендер как «совокупность культурных ожиданий, приписываемых обладателю определенных гениталий». Иначе говоря, гендер как социокультурный аспект гендерной проблематики включает в себя гендерные нормативы, стереотипы, табу, ценности, адресуемые носителям определенного пола.

Пол и гендер: разотождествление и взаимодействие

Ряд примеров подчеркивают важность разделять пол и гендер как «натуральное» и «культурное». Известно, что гендерная социализация начинается еще до рождения младенца. Во многих обществах родители скорее хотят иметь мальчика, а не девочку, потому что иметь сына престижнее (Westoff, Rindfuss, 1974; Coombs, 1977), хотя с биологической точки зрения именно девочки способны поддерживать непрерывность существования вида в неблагоприятных условиях (Long et al., 2021). С фактором социального престижа связаны технологии полового «отбора» эмбрионов, существующие во всех культурных регионах: от календарных методов Китая и Японии до экстракорпорального оплодотворения с применением центрифугирования сперматозоидов (Umehara et al., 2019). Если ожидают мальчика, то заранее видят его независимым, спортивным, удачливым; а если ожидают девочку, то мечтают, чтобы она стала красивой и удачно вышла замуж (Мастерс и др., 1998), и нет данных, как эти ожидания связаны с биологическими основаниями. Рождение младенца связано со стереотипом пеленания в голубые цвета — если родился мальчик, и в розовые — если девочка. Авторы указывают, что розовый ассоциируется с цветом спелых фруктов и женского собирательства (Агарков, Кащенко, 2015), однако это не объясняет, почему до XX в. цвета пеленания были голубой для девочек и розовый для мальчиков, т.е. наоборот (Paoletti, 2012). Очевидно, что речь идет о культурно-исторических закономерностях, которые не связаны с врожденными различиями.

Условный характер отношения к младенцам разного пола демонстрирует эксперимент, в котором три группы взрослых просили оценить характер одного и того же младенца (Коломинский, Мелтсас, 1985). Группа взрослых, которым младенца представили как девочку, описывали ребенка миловидным, а также боязливым и тревожным. Группа, которым младенца представили как мальчика, описывала его более радостным, бесстрашным. Группа взрослых, которым не назвали пол младенца, испытывали стресс и пытались выяснить пол ребенка. Полагаем, что участников эксперимента интересовал не столько пол младенца, сколько возможность наделять его своими ожиданиями, что показывает, насколько в социальной перцепции важен именно гендер, а не пол.

Поиск взрослыми ответа на вопрос о том, какого пола младенец, может быть примером полодифференцирующей практики по С. Бем,

предложившей *теорию «гендерных линз»* (Бем, 2004). «Гендерная линза», или гендерная схема, — это предвосхищающая когнитивная структура, сортирующая воспринимаемые феномены на категории «мужское» — «женское». По мнению Бем, эта готовность восприятия перерабатывать входящую информацию как «мужскую» или «женскую» появляется в онтогенезе достаточно рано и связана с тем, что в обществе приняты полодифференцирующие практики, которые интериоризирует ребенок в ходе взаимодействия со взрослыми носителями гендерной схемы. Е. Зижевская и М. Щукина (Zizevskaia, Shchukina, 2018) в эмпирическом исследовании показали, что гендерно-нейтральные стимулы (изображения кошачьих самок и самцов в различных контекстах) с большей частотой воспринимаются в качестве маскулинных стимулов вне зависимости от гендерной принадлежности исследуемого, что объясняется авторами функционированием «гендерных линз», усвоенных в детстве. Иначе говоря, нейтральное изображение вероятнее воспринимается как наделенное маскулинными чертами. Здесь открывается пространство феминистской критики.

По нашему мнению, концепция С. Бем несовершенна тем, что обходит биологические аспекты гендерного развития, однако в концепции «гендерной линзы» обнаруживаются пересечения с подходом Л.С. Выготского. Пожалуй, культурно-историческим синонимом для полодифференцирующих практик может выступить понятие «знак».

Действительно, демонстрация детям таких знаков гендера начинает происходить достаточно рано. Существуют значимые различия во взаимодействии родителей с детьми разного пола (Мастерс и др., 1998; Агарков, Кащенко, 2015). До трех месяцев родители чаще прикасаются к мальчикам; считается, мальчики лучше обучаются при визуальном контакте. После трех месяцев с мальчиками чаще реализуют «физкультурную» стимуляцию: подбрасывают, играют в «самолет» и т.д. Маленьких мальчиков раньше начинают оставлять дома одних, чтобы воспитать в них самостоятельность. Девочек нежнее поглаживают, общаются с интонацией, им чаще улыбаются, с ними чаще разговаривают. Родители быстрее реагируют на плач девочек. Девочки в возрасте одного года менее охотно уходят с рук матери, чаще возвращаются к ней или смотрят на нее. Обильный материал предлагает исследование предпочтений детьми определенных игр (Hutt, 1973; Бухановский, 2016). Так, считается, что мальчики ориентированы на освоение открытых пространств, а девочки играют

на ограниченных пространствах, что объясняют психофизиологическими различиями.

Культурологические исследования показывают, что половой диморфизм не связан с предпочтениями определенных форм деятельности. М. Мид исследовала три племени Новой Гвинеи с разными типами гендерного воспитания: арапеша, мундугумора и чамбули (Mead, 2001). Арапеша воспитывали детей обоего пола мирными, спокойными, добрыми, чувствительными, были соответствующие игры; и гендерные различия среди взрослых отсутствовали. Мундугумора, напротив, воспитывали в детях обоего пола жестокость, ревность и готовность сражаться, мстить за оскорбление, наслаждаться действием и борьбой; взрослые демонстрировали незначительные гендерные различия. Чамбули же демонстрировали значительные гендерные различия среди взрослых, притом противоположные тем, что распространены в Европе: мужчины выполняли домашние обязанности и воспитывали детей, а женщины занимались рыболовством, общественными делами и «бизнесом» — иначе говоря, мужчины ориентированы на деятельность в ограниченном пространстве, а женщины — на освоение открытых пространств.

Антропологи сообщают о существовании альтернативных вариантов количества гендеров. Например, североамериканское племя навахо (Navajo) имеет систему из пяти гендеров (Roscoe, 2000): мужская душа в мужском теле, женская душа в женском теле, мужская душа в женском теле, женская душа в мужском теле, несколько душ в одном теле (nadleehi). Представители последнего варианта, как правило, реализуют жреческие функции, поскольку тот, в чьем теле несколько душ, считается сильнее в эзотерическом плане, чем тот, у кого только одна душа. Среди индейских племен Северной Америки довольно часто встречаются такие поверья, и для носителей нескольких душ был предложен специальный термин «бердаши» от фр. *berdaches*; англ. *twospirit* — «с двумя душами», «двудушные». Для этих случаев, а также для всех тех, где душа и тело не совпадают друг с другом, был также предложен собирательный термин «третий пол» (Мондитор, 2002). Почти такая же система из пяти гендеров обнаруживается в другом культурном регионе среди бугисов на о. Сулавеси в Индонезии (Davies, 2006). Там выделяют следующие варианты: мужчины, женщины, калалаи — «женщины как мужчины», калабаи — «мужчины как женщины» и биссу — шаманы. Биссу является также названием местной религии, что подчеркивает высокую значимость представителей «третьего пола» в этой культуре. В целом можно

говорить о тенденции самых разных культур выделять отдельный гендер специально для жреческих функций (Кумченко, 2018). Подчеркивается, что, как правило, такими функциями наделяются обладатели физической андрогинии — сочетания некоторых мужских и женских половых признаков у одного и того же индивида (Ребер, 2003). Они могут иметь однозначную половую принадлежность вместе со вторичными половыми признаками обоих полов, такими как особенности овала лица, оволосения тела, различные антропометрические мерки вроде ширины бедер, талии, груди и т.д. Восприятие такой нечеткой половой принадлежности изменяет состояние сознания и улучшает контакт с божественными силами (Атма, 2009). Иными словами, мы видим пример того, как врожденные характеристики пола, выходящие за рамки однозначного бинарного распределения, наделяются культурой дополнительными значениями; это примеры не просто растождествления пола и гендера, но и их взаимодействия.

Следует отметить, что в ортодоксальных культурах с жесткими гендерными нормативами также допускаются варианты гендерного разнообразия. Например, консервативные культуры Афганистана, Пакистана, Узбекистана содержат примеры феномена «бача-бази» — «танцующих мальчиков» Средней Азии (Cook, 2012): андрогинные мальчики-подростки танцуют традиционные женские танцы в окружении мужчин. Художник В. Верещагин посвятил этому феномену свои картины: «Портрет бачи» (1867–1868), «Бача и его поклонники» (1868). Эта традиция существует до сих пор (The Week Staff, 2020). Врожденные вариации половых характеристик наделяются дополнительным культурным значением, однако нельзя утверждать, что культуризация может предотвратить врожденный путь полового развития.

Сложный характер взаимодействия пола и гендера демонстрирует знаменитый эксперимент Джона Мани 1970–1980-х гг. (Diamond, Sigmundson, 1997). Мани полагал, что в младенчестве человек представляет собой «чистую доску» и воспитательные меры способны обусловить следование тем или иным гендерным стереотипам. Такой взгляд можно назвать *бихевиористической концепцией гендерной идентичности*, где ведущим фактором гендерного развития выступает воспитание, что несомненно является упрощением проблемы. Мани совершил эксперимент над младенцем, родившимся мальчиком, которому врачи по ошибке повредили половой член, после чего встал вопрос о поле ребенка. Мани предложил родителям довершить хирургическую операцию и воспитывать ребенка как девочку по

имени Бренда. Бренда наблюдалась у доктора Мани, который публиковал отчеты о благополучном ходе эксперимента, однако в пубертате она отказалась признавать себя девочкой и приняла имя Дэвид, рассказав о страхе перед доктором Мани и глубоком чувстве неприятия себя в качестве девочки. Обман родителей раскрылся. Дэвид восстановил половой член и жил в качестве мужчины. Совершил суицид в 39 лет. Данный пример демонстрирует, что биологический фактор является значимым в вопросах самоопределения, а фактор воспитания не имеет решающего значения. Гендер нельзя «привить» человеку, как считает доктор Милтон Даймонд, который занимался реабилитацией Дэвида Реймера в качестве мужчины (Diamond et al., 2005). Пол и гендер не подавляют друг друга, но они связаны иерархической связью, и на разных возрастных периодах онтогенеза то «натуральное», то «культурное» выходит на первый план. Похожую идею высказывали авторы тривиумального подхода в отечественной сексологии С.Т. Агарков и Е.А. Кащенко, согласно которому в разные возрастные периоды биологические, социальные и психологические компоненты сексуальности меняют удельный вклад в обеспечение сексуального развития (Агарков, Кащенко, 2015). Можно говорить о многофакторном подходе к психологии пола, как уже предлагалось в отечественной клинической психологии (Ениколопов, Дворянчиков, 2001).

Гендерная идентичность как аналог высшей психической функции

Культурно-исторический подход может быть эффективным при рассмотрении человеческой телесности (Тхостов, 2020) и сексуальности (Зинченко, 2003). Принято рассматривать данные категории в качестве аналога высшей психической функции (ВПФ). По Л.С. Выготскому, для ВПФ должны выполняться следующие условия: прижизненное формирование ВПФ в общественном взаимодействии через механизм интериоризации; интериоризации подлежат общественные знаково-символические средства управления функцией, благодаря чему становится возможным знаковое опосредование функции и ее сознательная регуляция; в результате функция обретает сложную структуру в виде системы, компоненты которой иерархически соподчинены. Ведущими здесь выступают «процессы овладения высшими средствами культурного развития и мышления» (Выготский, 1983, с. 24). «Ребенок должен научиться послушанию путем самоовладения. Не на послушании и намерении

строится самоовладение, но, наоборот, на самоовладении и намерении возникает повиновение и намеренность» (Выготский, 1983, с. 120). Телесность и сексуальность испытывают изменения в ходе развития человека как представителя определенной культуры, они окультуриваются, однако из-за своей природы ни телесность, ни сексуальность не могут быть в полной мере сознательно регулируемы, ими невозможно овладеть полностью, поэтому подчеркивается, что они являются лишь аналогами ВПФ. Следует также отметить, что Выготский исследовал преимущественно когнитивно-познавательную сферу психики, для которой подобрал понятие ВПФ, в то время как телесность и сексуальность не являются такой сферой, хотя могут включать в себя некоторые когнитивные элементы. По всей видимости, гендерная идентичность, будучи аспектом человеческой сексуальности, также может быть названа аналогом ВПФ.

На сегодняшний день существуют сложности в понимании термина «гендерная идентичность». Гендерная идентичность часто упоминается в качестве синонима половой идентичности, это связано со сложностями ранних переводов на русский язык понятия «gender». Сообщают, что термин «половая идентичность» традиционно используется представителями биодетерминизма, а термин «гендерная идентичность» применяют преимущественно социальные психологи (Тупицына, 2004). Между тем «половая идентичность» и «гендерная идентичность» могут быть связаны с разными феноменами, которые незаметны в норме. Так, психиатрии известны случаи трансформации собственно половой идентичности, например, ощущения превращаемости пола при некоторых вариантах шизофрении (Матевосян, Введенский, 2012). В то же время в случае трансгендеров, как правило, сохраняется критичность к неизменяемости их аскриптивного пола, но присутствует конфликт, связанный с гендерными ожиданиями со стороны социума. Здесь необходимо дальнейшее осмысление. В нашей работе применяется понятие «гендерная идентичность», когда речь идет о соотношении себя с определенной гендерной группой, ее ценностями, нормативами, ожиданиями и табу. По нашему мнению, неправомерно отождествлять не только «гендер» и «пол», но и «гендер» как культурологическую категорию и «гендерную идентичность» — как категорию психологическую.

Существует также проблема соотношения однокоренных понятий «идентичность» и «идентификация». О неравенстве этих двух категорий сообщает А.Ш. Тхостов (Тхостов, 2020). В ходе опроса 2000-х гг. в России на тему религиозной идентичности большинство

опрошенных россиян идентифицировали себя в качестве православных христиан. Среди идентифицировавших себя таким образом лишь треть опрошенных смогли перечислить основные понятия и практики православной веры. Так можно увидеть разницу между идентификацией и идентичностью, что также можно отразить формулой: «Казаться или быть».

Гендерная идентичность формируется прижизненно в ходе социального взаимодействия и не является полностью врожденной категорией. Согласно сексологическим данным, в норме до двух лет для ребенка собственный аскриптивный пол существует вне сознания, поскольку отсутствует самосознание вообще (Кон, 1984). В два-три года с возникновением самосознания ребенок с помощью взрослого обращает внимание на собственный пол и узнает, как его пол называется. Так в социальном взаимодействии возникает номинативный пол (Каган, 1991). В этом возрасте ребенок способен ответить на вопрос, какого он пола, однако считает, что пол может быть изменен путем смены гендерных аксессуаров: стрижка, одежда, имя, местоимения и пр. В этом возрасте ребенок узнает пол одетых людей, но не узнает пол обнаженных людей: так, дети затрудняются назвать пол Адама и Евы, изображенных на картине (Агарков, Кащенко, 2015). Иначе говоря, ребенок не осознает суть пола, и пол ассоциируется с заменимой совокупностью аксессуаров, что согласуется с предметно-манипулятивной ориентированностью данного возраста (Эльконин, 1971). Таким образом, для двух-трехлетнего возраста пол является заменимым ярлыком, номинацией, и такое переживание своего пола уместно назвать гендерной идентификацией, которая соответствует интерпсихическому этапу развития гендерной идентичности, разворачивающемуся в коммуникативном пространстве между взрослым и ребенком.

В возрасте трех — семи лет, по Д.Б. Эльконину, возникает ориентация человек — человек, ребенок разворачивает свою деятельность в игровом взаимодействии со взрослыми и детьми. Здесь реализуются «половые» игры: «дочки-матери», девочки надевают мамини одежды и «выходят замуж» за отцов, в играх с куклами появляются семейные темы, мальчики строят домики из конструкторов и т.д. В «неполовых» играх, например «в профессию», соблюдаются половые роли, наблюдается явное предпочтение игрушек своего гендера. Все чаще проявляется половая гомогенизация — объединение в однополые группы (Каган, 1991), а также игровые «половые войны» вроде мальчиков против девочек. Дети правильно называют свой пол, используют

родовые окончания и местоимения, аксессуары «своего» гендера вплоть до возведения в своеобразный культ. Вместе с этим возникает дистинкция — резкий протест против аксессуаров не своего гендера (Белкин, 1979). С трех лет дети определяют пол изображенных на картине Адама и Евы. К шести годам ребенок понимает необратимость своей гендерной принадлежности. Сообщают, что дефицит игровой активности, связанной с реализацией гендерной принадлежности, влечет в этом возрасте интенсивный поиск подтверждений своей гендерной принадлежности: так, мальчики демонстративно курят игрушечные сигареты в качестве символов взрослой маскулинности, а девочки наносят яркий макияж и расстраиваются, когда воспитатели требуют его смыть. В некоторых случаях такой поиск самоподтверждения может не просто продолжаться во взрослом возрасте, но искажать дальнейшее психосексуальное развитие вплоть до патологических состояний: так, можно наблюдать гиперролевое поведение у лиц с сексуальным садизмом принудительного характера, совершивших правонарушения (Демидова, 2019). Таким образом, в данном возрасте в результате социального взаимодействия происходит интериоризация ребенком социальных ожиданий к представителям определенного гендера и поведение на их основе. Следует оговориться, что, в отличие от классической ВПФ, интериоризация здесь может быть меньше связана со взрослыми носителями гендера, поскольку основная практика гендерной принадлежности осуществляется в играх детей друг с другом. Возникает гендерная идентичность как внутренняя, интрапсихическая реальность. Отечественные сексологи называют этот период стадией формирования понятийного либидо: на этом начальном уровне развития либидо оно представляет собой понятие о разнополости людей, знание о собственной гендерной принадлежности и лишено чувственной окраски (Васильченко, 1990).

С этого момента возникает «овладение собственным процессом поведения», и гендерная идентичность обретает функцию саморегуляции на основе общественной обратной связи. На этапе гендерной идентификации это было невозможно, поскольку гендерная принадлежность воспринималась лишь в качестве легко сменяемого аксессуара, а не внутреннего ориентира по адаптации к социуму. Возможно, именно такая «сменяемость», диффузность характерна для расстройств гендерной идентичности при различных патологических состояниях, когда саморегуляция с помощью гендерной идентичности становится невозможной. Например, в случае парафильных расстройств, дезадаптивного материнства, дисфункционального

партнерства (Ениколопов, Дворянчиков, 2001; Демидова, 2019). По всей видимости, речь идет о такой незрелости гендерной идентичности, когда ее уместно назвать гендерной идентификацией, которая не является внутренним регулятором поведения. Эмпирические исследования показывают, что саморегуляция в соответствии с консервативными гендерными стереотипами ассоциируется с благополучием в сексуальной сфере (Опекина и др., 2023). По всей видимости, гендерные стереотипы могут быть связаны со снижением уровня коммуникативной тревоги в межполовом взаимодействии. Похоже, что гендерные стереотипы как варианты культурных образований могут выступить примерами средств или знаков, позволяющих владеть своим поведением: «...Всякий искусственно созданный человеком условный стимул, являющийся средством овладения поведением чужим или собственным, — есть знак» (Выготский, 1983, с. 78).

Между тем проблема интериоризации гендера оказывается сложнее, чем кажется. На сегодняшний день можно диагностировать в европейской культуре не просто размытость понятий мужского и женского (Щеглов, 2020), но и их противоречивость. Так, стереотипная маскулинность ассоциируется с агрессивностью и галантностью, с лидерством и «служением даме» и т.д. Стереотипная фемининность связывается с естественной красотой и необходимостью реализации различных косметических процедур, женщина должна быть связана с «кухней, церковью, детьми» и в то же время должна понимать, что «никто никому ничего не должен» и заботиться о себе нужно самой, и если не получилось, то «сама виновата».

Гендер охватывает весьма широкую область жизни: внешний вид, манеры, выборы, ценности, табу, предпочтения в профессиональной деятельности, в сексуальной коммуникации и т.д. Здесь обнаруживается плодородная почва как для недопонимания, так и для развития культурной патологии в области гендерной принадлежности и взаимодействия. Примерами могут выступить дезадаптивные партнерства, популяризованные концептами «токсичных отношений», «любви аддикции», «абьюза»; дезадаптивные свидания из-за нарушенного брачного ритуала: кто за кого должен платить (Щеглов, 2020). Возможно, сюда относится феномен трансгендерности, располагающий культурно-техническими возможностями коррекции пола.

Известно, что ряд биологических функций, таких как пищеварение, дыхание, выделение, сексуальность и т.д., плохо подвергаются социализации (Тхостов, 2020). Вероятно, в этот ряд следует внести и гендерную идентичность, которая имеет в своем происхождении

биологическое начало, хотя не все разделяют такую точку зрения (Матевосян, 2005). По нашему мнению, следует глубже понимать гендерную проблематику, любое упрощение которой может приводить к обостренным дискуссиям из-за взаимонепонимания. Речь идет не о поле *или* гендере или о конструкции «пол = гендер», а о *поле и гендере*, которые выступают нетождественными и связанными компонентами единой системы, в которой то одно, то другое выходит на передний план в зависимости от онтогенетического этапа и личностной активности.

Заключение

Таким образом, концептуальный аппарат культурно-исторического подхода позволяет не только привлекать сразу несколько факторов для понимания гендерной проблематики, но и учитывает механизмы развития, а также неоднозначность результата. Можно предложить следующее определение гендерной идентичности — аналог высшей психической функции, прижизненно формируемая система иерархически соподчиненных биогенных компонентов пола и осознанного/бессознательного соотношения себя с определенной гендерной группой, интериоризации ее нормативов, ценностей, табу и возможностей саморегуляции на их основе.

Проведение аналогии с классической ВПФ связано с тем, что развитие гендерной идентичности в значительной мере происходит не среди взрослых, а среди детей и подростков. Существует значительный биогенный компонент в развитии гендерной идентичности, границы влияния которого установить довольно сложно. Из-за смежности с сексуальной сферой система гендерной идентичности может включать в себя не до конца осознаваемые компоненты. Кроме того, в отличие от классической ВПФ, здесь интериоризации подлежат достаточно противоречивые, охватывающие весьма широкую область конструкты.

Эвристический потенциал культурно-исторического подхода как многофакторной концепции в применении к гендерной проблематике нуждается в критическом переосмыслении, сопоставлении с альтернативными теориями гендерной идентичности, а также в дополнительном экспериментальном обосновании, однако уже сейчас можно говорить о дальнейших возможностях развития этой мысли.

Список литературы

Агарков, С. Т., Кащенко, Е. А. (2015). *Онтогенез сексуальности: от зачатия до смерти*. Москва: Ridero.

Атма, А. (2009). *Культура сублимации: опыты самодостаточности*. Москва: ЛитРес.

Белкин, А. И. (1979). Индивидуальность и социализация (по данным изучения лиц, сменивших пол). *Гормоны и мозг*, 80, 13–24.

Бем, С. (2004). *Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему равенства полов*. Москва: Российская политическая энциклопедия.

Бухановский, А. О. (2016). *Транссексуализм и сходные состояния*. Ростов-на-Дону: Мини Тайп.

Васильченко, Г. С. (1990). *Сексопатология: Справочник*. Москва: Медицина.

Выготский, Л. С. (1983). *Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. Проблемы развития психики*. Москва: Педагогика.

Грицанов, А. А. (Ред.). (1998). *Новейший философский словарь*. Минск: В.М. Скаун.

Демидова, Л. Ю. (2019). Половое самосознание при расстройствах сексуального предпочтения. *Психологические исследования*, 64(12), 2. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/227> (дата обращения: 25.05.2023).

Ениколопов, С. Н., Дворянчиков, Н. В. (2001). Концепции и перспективы исследования пола в клинической психологии. *Психологический журнал*, 22(3), 100–115.

Зинченко, Ю. П. (2003). *Клиническая психология сексуальности человека в контексте культурно-исторического подхода: монография*. Москва: Проспект Москва.

Каган, В. Е. (1991). *Половая идентичность у детей и подростков в норме и патологии: дисс. докт. мед. наук*. Ленинград.

Коломинский, Я. Л., Мелтсас, М. Х. (1985). Ролевая дифференциация пола у дошкольников. *Вопросы психологии*, (3), 165–171.

Кон, И. С. (1984). *В поисках себя. Личность и ее самосознание*. Москва: Политиздат.

Кумченко, С. К. (2018). Мистический смысл феномена трансгендерности на примере культур различных народов. *Религиоведческий альманах*, 5(1–2), 113–136.

Мастерс, У., Джонсон, В., Колодни, Р. (1998). *Основы сексологии*. Москва: Мир.

Матевосян, С. Н. (2005). Половая идентичность и ее девиации (обзор психоаналитической литературы). *Психоаналитический вестник*, (13), 112–140.

Матевосян, С. Н., Введенский, Г. Е. (2012). Половая дисфория (клинико-феноменологические особенности и реабилитационные аспекты синдрома «отвергания пола»). Москва: ООО «Медицинское информационное агентство».

Мещеряков, Б. Г., Зинченко, В. П. (Сост. и ред.). (2009). *Большой психологический словарь*. 4-е изд. Москва: АСТ; Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК.

Мондимер, Ф. (2002). Гомосексуальность. Естественная история. Екатеринбург: У-Фактория.

Опекина, Т. П., Шипова, Н. С., Крюкова, Т. Л. (2023). Связь установок гендерного неравенства у партнеров и эмоциональных состояний женщин в близких отношениях. *Национальный психологический журнал*, 49(1), 55–65.

Петровский, А. В., Ярошевский, М. Г. (Ред.). (1999). Краткий психологический словарь. 2-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс.

Пушкарева, Н. Л. (2005). Что такое «гендер»? Характеристика основных концепций. В: Гендерная теория и историческое знание: Материалы второй международной научно-практической конференции. Под ред. А. А. Павлова, В. А. Семенова, (С. 8–20).

Ребер, А. (Ред.). (2003). Оксфордский толковый словарь по психологии. Москва: Вече, АСТ.

Тупицына, И. А. (2004). Особенности гендерной идентичности старшеклассников в зависимости от опыта взаимоотношений со сверстниками и сверстницами: дисс. канд. психол. наук. Санкт-Петербург.

Тхостов, А. Ш. (2020). Культурно-историческая патопсихология. Москва: Канон+.

Щеглов, Л. М. (2020). Мирная сексуальная революция. Санкт-Петербург: Аргус СПб.

Эльконин, Д. Б. (1971). К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. *Вопросы психологии*, (4), 6–20.

Cook, J. (2012). *Afghanistan: The Perfect Failure*. Xlibris Corporation.

Coombs, L. (1977). Preferences for sex of children among U.S. couples. *Family planning perspectives*, (9), 259–265.

Davies, G. (2006). *Challenging Gender Norms: Five Genders Among Bugis in Indonesia (Case Studies in Cultural Anthropology)*. Wadsworth Publishing.

Diamond, M., Sigmundson, H. (1997). Sex reassignment at birth. Long-term review and clinical implications. *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine*, 151(3), 298–304.

Diamond, M., Beh, H., Glenn, H. (2005). David Reimer's Legacy: Limiting Parental Discretion. *Cardozo Journal of Law & Gender*, 12(5), 5–30.

Hutt, C. (1973). Sex differences in behaviour: a biosocial analysis. Read before the symposium on woman and sport. Bermongham-England.

Kataeva, Z., Durrani, N., Izenkova, Z., Rakhimzhanova, A. (2023). Evolution of gender research in the social sciences in post-Soviet countries: a bibliometric analysis. *Scientometrics*, 128(3), 1639–1666.

Long, Y., Chen, Q., Larsson, H., Rzhetsky, A. (2021). Observable variations in human sex ratio at birth. *PLoS Computational Biology*, 17(12), e1009586.

Mead, M. (2001). *Sex and Temperament in Three Primitive Societies*. Harper Perennial.

Money, J., Hampson, J. (1955). An Examination of Some Basic Sexual Concepts: The Evidence of Human Hermaphroditism. *Bulletin of the Johns Hopkins Hospital*, 97(4), 301–319.

Paoletti, J. (2012). *Pink and blue: Telling the boys from the girls in America*. Bloomington: Indiana Univ. Press.

Roscoe, W. (2000). *Changing Ones: Third and Fourth Genders in Native North America*. Palgrave Macmillan.

Stoller, R. (1968). *Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity*. London: Hogarth Press.

Stoller, R. (1972). Impact of new advances in sex research on psychoanalytic theory. *Danish medical bulletin*, (19), 287–300.

The Week Staff. (2020). *Bacha bazi: the scandal of Afghanistan's abused boys*. URL: <https://www.theweek.co.uk/105442/bacha-bazi-the-scandal-of-afghanistan-s-abused-boys> (access date: 25.05.2023).

Umehara, T., Tsujita, N., Shimada, M. (2019). Activation of Toll-like receptor 7/8 encoded by the X chromosome alters sperm motility and provides a novel simple technology for sexing sperm. *PLoS Biology*, 17(8), e3000398.

Westoff, C., Rindfuss, R. (1974). Sex preselection in the United States: some implications. *Science*, 184(4137), 633–636.

Zizevskaia, E., Shchukina, M. (2018). Gender schemas in perception of gender neutral images. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11(1), 151–163.

References

Agarkov, S. T., Kashchenko, E. A. (2015). *Ontogenesis of sexuality: from conceiving to death*. Moscow: Ridero. (In Russ.).

Atma, A. (2009). *Culture of sublimation: experiences of self-sufficiency*. Moscow: LitRes. (In Russ.).

Belkin, A. I. (1979). Individuality and socialization (according to the study of persons who have changed their gender). *Gormony i Mozg (Hormones and the Brain)*, 80, 13–24. (In Russ.).

Bem, S. (2004). *Gender lenses: The transformation of views on the problem of gender inequality*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. (In Russ.).

Bukhanovsky, A. O. (2016). *Transsexualism and similar states*. Rostov-on-Don: Mini Type. (In Russ.).

Cook, J. (2012). *Afghanistan: The Perfect Failure*. Xlibris Corporation.

Coombs, L. (1977). Preferences for sex of children among U.S. couples. *Family planning perspectives*, (9), 259–265.

Davies, G. (2006). *Challenging Gender Norms: Five Genders Among Bugis in Indonesia (Case Studies in Cultural Anthropology)*. Wadsworth Publishing.

Demidova, L. Yu. (2019). Sexual self-awareness in disorders of sexual preference. *Psikhologicheskie Issledovaniya (Psychological Research)*, 64(12), 2. (Retrieved from: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/227> (review date: 25.05.2023)). (In Russ.).

Diamond, M., Sigmundson, H. (1997). Sex reassignment at birth. Long-term review and clinical implications. *Archives of Pediatrics and Adolescent Medicine*, 151(3), 298–304.

Diamond, M., Beh, H., Glenn, H. (2005). David Reimer's Legacy: Limiting Parental Discretion. *Cardozo Journal of Law & Gender*, 12(5), 5–30.

Elkonin, D. B. (1971). On the problem of periodization of mental development in childhood. *Voprosy Psikhologii (Issues in Psychology)*, (4), 6–20. (In Russ.).

Enikolopov, S. N., Dvoryanchikov, N. V. (2001). Concepts and perspectives of gender research in clinical psychology. *Psikhologicheskii Zhurnal (Psychological Journal)*, 22(3), 100–115. (In Russ.).

Gritsanov, A. A. (Ed.). (1998). The newest philosophical dictionary. Minsk: V.M. Skakun. (In Russ.).

Hutt, C. (1973). Sex differences in behaviour: a biosocial analysis. Read before the symposium on woman and sport. Bermongham-England.

Kagan, V. E. (1991). Polovaya identichnost' u detei i podrostkov v norme i patologii: diss. doct. med. nauk. (Sexual identity in children and adolescents in norm and pathology: dissertation). Doct. Sci. diss. (Medicine). Leningrad. (In Russ.).

Kataeva, Z., Durrani, N., Izekenova, Z., Rakhimzhanova, A. (2023). Evolution of gender research in the social sciences in post-Soviet countries: a bibliometric analysis. *Scientometrics*, 128(3), 1639–1666.

Kolominsky, Ya. L., Meltsas, M. Kh. (1985). Role differentiation of sex in pre-schoolers. *Voprosy psikhologii (Issues in Psychology)*, (3), 165–171. (In Russ.).

Kon, I. S. (1984). In search of himself. Personality and its self-consciousness. Moscow: Politizdat. (In Russ.).

Kumchenko, S. K. (2018). The mystical meaning of the phenomenon of transgenderism on the example of cultures of different peoples. *Religiovedcheskii Al'manakh (Religious Studies Almanac)*, 5(1–2), 113–136. (In Russ.).

Long, Y., Chen, Q., Larsson, H., Rzhetsky, A. (2021). Observable variations in human sex ratio at birth. *PLOS Computational Biology*, 17(12), e1009586.

Masters, U., Johnson, V., Kolodni, R. (1998). Fundamentals of sexology. Moscow: Mir. (In Russ.).

Matevosyan, S. N. (2005). Sexual identity and its deviations (review of psychoanalytic literature). *Psikhoanaliticheskii Vestnik (Psychoanalytic Bulletin)*, (13), 112–140. (In Russ.).

Matevosyan, S. N., Vvedensky, G. (2012). Sexual dysphoria (clinical and phenomenological features and rehabilitation aspects of the “rejection of sex” syndrome). Moscow: Medical Information Agency LLC. (In Russ.).

Mead, M. (2001). Sex and Temperament in Three Primitive Societies. Harper Perennial.

Meshcheryakov, B. G., Zinchenko, V. P. (Eds.). (2009). A large psychological dictionary. 4th ed. Moscow: AST Moscow; St. Petersburg: Praim-EVROZNAK. (In Russ.).

Mondimor, F. (2002). Homosexuality. Natural history. Yekaterinburg: U-Factoriya. (In Russ.).

Money, J., Hampson, J. (1955). An Examination of Some Basic Sexual Concepts: The Evidence of Human Hermaphroditism. *Bulletin of the Johns Hopkins Hospital*, 97(4), 301–319.

Opekina, T. P., Shipova, N. S., Kryukova, T. L. (2023). The relationship between the attitudes of gender inequality in partners and the emotional states of women in close relationships. *National Psychological Journal*, 49(1), 55–65. (In Russ.).

Paoletti, J. (2012). *Pink and blue: Telling the boys from the girls in America*. Bloomington: Indiana Univ. Press.

Petrovsky, A. V., Yaroshevsky, M. G. (Eds.). (1999). *A short psychological dictionary*. 2nd ed. Rostov-on-Don: Phoenix. (In Russ.).

Pushkareva, N. L. (2005). What is “gender”? Characteristics of the main concepts. Gender theory and historical knowledge: Materials of the Second International Scientific and Practical Conference. In: A. A. Pavlov, V. A. Semenov (Eds.), (pp. 8–20). (In Russ.).

Reber, A. (Ed.). (2003). *Oxford Explanatory Dictionary of Psychology*. Moscow: Veche, AST. (In Russ.).

Roscoe, W. (2000). *Changing Ones: Third and Fourth Genders in Native North America*. Palgrave Macmillan.

Shcheglov, L. M. (2020). *Peaceful sexual Revolution*. St. Petersburg: Argus SPb. (In Russ.).

Stoller, R. (1968). *Sex and Gender: On the Development of Masculinity and Femininity*. London: Hogarth Press.

Stoller, R. (1972). Impact of new advances in sex research on psychoanalytic theory. *Danish medical bulletin*, (19), 287–300.

The Week Staff. (2020). *Bacha bazi: the scandal of Afghanistan's abused boys*. URL: <https://www.theweek.co.uk/105442/bacha-bazi-the-scandal-of-afghanistan-s-abused-boys> (access date: 25.05.2023).

Tkhostov, A. Sh. (2020). *Cultural and historical pathopsychology*. Moscow: Kanon+. (In Russ.).

Tupitsyna, I. A. (2004). *Osobennosti gendernoi identichnosti starsheklassnikov v zavisimosti ot opyta vzaimootnoshenii so sverstnikami i sverstnitsami: diss. kand. psikhol. nauk.* (Features of the gender identity of high school students depending on the experience of relationships with peers and peers: dissertation). Cand. Sci. (Psychology). St. Petersburg. (In Russ.).

Umehara, T, Tsujita, N, Shimada, M. (2019). Activation of Toll-like receptor 7/8 encoded by the X chromosome alters sperm motility and provides a novel simple technology for sexing sperm. *PLoS Biology*, 17(8), e3000398.

Vasilchenko, G. S. (1990). *Sexopathology: Handbook*. Moscow: Medicine. (In Russ.).

Vygotsky, L. S. (1983) *Collected works: in 6 vol. Vol. 3. The History of the Development of the Higher Mental Functions*. Moscow: Pedagogy. (In Russ.).

Westoff, C, Rindfuss, R. (1974). Sex preselection in the United States: some implications. *Science*, 184(4137), 633–636.

Zinchenko, Y. P. (2003). *Clinical psychology of human sexuality in the context of a cultural and historical approach*. Monograph. Moscow: Prospect Moscow. (In Russ.).

Zizevskaia, E., Shchukina, M. (2018). Gender schemas in perception of gender neutral images. *Psychology in Russia: State of the Art*, 11(1), 151–163.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Шамилевич Тхостов, доктор психологических наук, профессор кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, tkhostov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9676-4096>

Сергей Константинович Кумченко, аспирант кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация, kumchenko.s.k@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6354-7615>

ABOUT THE AUTHORS

Alexander Sh. Tkhostov, Dr. Sci. (Psychology), Professor at the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, tkhostov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9676-4096>

Sergey K. Kumchenko, Postgraduate student at the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, kumchenko.s.k@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-6354-7615>

Поступила: 22.06.2023; получена после доработки: 14.08.2023; принята в печать: 31.01.2024.

Received: 22.06.2023; revised: 14.08.2023; accepted: 31.01.2024.